

Замаскированная пошлость

Исследователей творчества великого русского поэта Лермонтова и многочисленных его читателей очень порадовало появившееся в печати в начале этого года сообщение о том, что создана пьеса о Лермонтове «Маски» Н. Н. Алибеговой. «Литературная газета» писала, что Н. Алибегова проявила «несомненное драматургическое дарование» и пьеса ее «встретила прекрасную оценку крупных театров Москвы (МХАТ, Малый и др.) и имеет все шансы к тому, чтобы в лермонтовском 1939 юбилейном году увидеть московскую и периферийную сцены» («Литературная газета», 1939 г., № 2). Предсказание это частично сбылось: «Маски» ставят Московский Современный театр и Воронежский областной театр. Есть основания предполагать, что она будет поставлена и рядом других театров. Издательство «Искусство» поторопилось срочно издать пьесу, и она продается в магазине Всесоюзского театрального общества.

Казалось бы, что все обстоит как нельзя лучше! Но при ближайшем ознакомлении с текстом стеклографического издания пьесы Алибеговой оказывается, к сожалению, малограмотной и безвкусной стряпней.

Критики увидели в пьесе историческую точность. Увы! Историческая точность ее весьма относительна. В «Масках» Алибеговой летом 1841 года в Пятигорске Лермонтов встречается с В. А. Бахметевой и пресловутую Аделью Оммер де Гелль, женой французского консула в Одессе. Общеизвестно, что последняя встреча Лермонтова с В. А. Лопухиной-Бахметевой относится к весне 1838 г. Любопытный читатель, следящий за нашими журналами и новыми изданиями сочинений Лермонтова, прекрасно знает также, что окончательно покончено с легендой о знакомстве поэта с Оммер де Гелль и что русский текст ее записок и писем, изданный в 1933 году издательством «Academica», является ловкой мистификацией П. П. Вяземского. Но Алибегова предпочитает следовать дурной традиции и с увлечением воссоздает вымышленный Вяземским роман Лермонтова с Оммер де Гелль. Столь же неоправданно устранен ближайший друг и родственник Лермонтова А. А. Монго-Столыпин, а ближайшим другом поэта сделан его камердинер Христофор Саникадзе (повидимому, для большей «демократизации» образа поэта) и идейным единомышленником — прекраснотупый учитель Раневский, якобы сосланный на Кавказ за чтение ученикам в классе стихов Лермонтова «Смерть поэта».

Алибегова часто и примитивно прямолинейно цитирует в репликах Лермонтова его стихи, письма и другие высказывания. Но этот прием только подчеркивает беспомощность «оригинального» алибеговского текста. Таков, например, один из центральных монологов Лермонтова, которым поэт, по воле драматурга, весьма пошло отвечает на вопрос Бахметевой о страданиях.

Мы знаем, что смерть Лермонтова, как и смерть Пушкина, не случайная развязка личной драмы и не следствие ссоры двух соперников. Значительные общественно-исторические причины привели к гибели лучших русских поэтов. Много в преддвальной истории Лермонтова до сих пор остается неясным и требует тщательного изучения. Но это не оправдывает грубейшего упрощения, по линии которого пошла Алибегова. Генеральша Мерлини в пьесе

Алибеговой, с коварством опытного контрразведчика, по прямой директиве шефа жандармов Бенкендорфа организует убийство Лермонтова. На самом деле борьба так называемого светского общества с Лермонтовым была гораздо органичнее и сложнее. Ошибочно все сводить к заговору Мерлини, как ошибочно винить в смерти поэта одного только Мартынова. Для Алибеговой же все ясно и не требует особых раздумий и доказательств!

Успех «Масок» Алибеговой побудил руководителей издательства «Искусство» и редактора Т. Эвентову выпустить в свет еще одну пьесу о Лермонтове — «Кремнистый путь» Н. Дмитриева. Эта пьеса еще хуже «Масок».

Чего стоит унылая сцена: Лермонтов и пьяный Константин Булгаков беседуют о Пушкине. Известный своим редким остроумием, К. Булгаков почему-то превращен в совершенно слившегося заблуду Костюку. Трудно понять, зачем понадобилась автору эта пьяная сцена. Но и в следующих за ней сценах появляется целый ряд случайных, драматургически необоснованных действующих лиц. Все эти люди говорят тусклым, невыразительным языком.

Н. Дмитриев, повидимому, сможет привести ряд «свидетельств» современников, оправдывающих введение в его пьесу пошлых сцен, реплик, выражений. Дело заключается совсем не в том, чтобы воссоздать ряд фактов из жизни великого человека, часто незначительных и нехарактерных. Драматург, как и исследователь, должен из множества фактов отобрать существенное, ведущее. Мы хотим видеть то, что отличает Лермонтова, как великого поэта. Речь идет не о мелкой, бытовой, натуралистической правде, но о правде больших обобщений, принципиальной, идейной, художественной правде. Этой большой правды, правды социалистического реализма нет ни в пьесе Алибеговой, ни в пьесе Дмитриева.

«Масками» и «Кремнистым путем» не исчерпывается число юбилейных пьес о Лермонтове, которые грозят извратить и опозорить образ поэта. Один из ленинградских театров принял к постановке пьесу Магдалины Сизовой «Армейский поручик». Магдалине Сизовой показалось непелесообразным отпустить Лермонтову прожитые им 26 лет. С удивительной легкостью автор «Армейского поручика» расправляется с Лермонтовым на четыре года раньше, чем это сделал Мартынов. В названной пьесе дуэль происходит в год смерти Пушкина, во время первой ссылки Лермонтова на Кавказ. В заключение пьесы В. Г. Белинский, введенный автором в число участников «кружка шестнадцати», на скрепленных шпагах пьет жженку в память Лермонтова!!

Краткая и напряженная жизнь Лермонтова богата событиями и значительна как явление историческое и характеризующее целую эпоху русской жизни.

Но ни один из авторов трех новых пьес о Лермонтове не обладает знаниями, которые необходимы для создания произведений, достойных памяти поэта. Все же эти авторы обладают достаточной настойчивостью, чтобы суметь продвинуть в печать и на сцену явно недоброкачественные пьесы, чего не заметили работники Главреперткома и редакторы издательства «Искусство».

В. МАНУЙЛОВ.